

**Жанровое своеобразие антиутопии на примере
романа Е. И. Замятина «Мы»**

خصائص الديستوبيا كنوع أدبي رواية يفجيني زامياتين (نحن) نموذجاً

Dr. Dina Mohamed Abdo
Assistant Professor, Russian Language Department
Faculty of Al-Asun, Ain Shams University.

د/ دينا محمد عبده
أستاذ مساعد بقسم اللغات السلافية - شعبة اللغة الروسية
كلية الألسن - جامعة عين شمس

Dystopia as a literary Genre on the example of E. Zamyatin's novel «We».

Abstract:

The aim of this study is the comprehensive coverage of the features of dystopia in Zamyatin's work. We analyze the novel «We», as an example of dystopia in the writer's work, consider the concept of dystopia, discuss various opinions of critics about the definition of the genre, analyze the novel, touch on the questions put in it to catch the genre features of dystopia.

Summing up the work, we are noted the following conclusions:

*There is a rather large number of definitions of the concept dystopia in two directions - definition as a literary genre and as a philosophical idea.

*Dystopia developed in the works of some Russian writers but reached the peak of development in Zamyatin's novel.

Keywords: literature – dystopia – genre – Zamyatin – We.

خصائص الديستوبيا كنوع أدبي رواية يفجيني زامياتين (نحن) نموذجاً

الملخص:

تهدف هذه الدراسة إلى إلقاء الضوء على خصائص الديستوبيا في إبداع الكاتب الروسي يفجيني زامياتين التي لقت اهتماماً ضعيفاً من جانب الباحثين. ومن أجل تحقيق الهدف من الدراسة قمنا بتحليل رواية الكاتب (نحن) كمثال بارز على الديستوبيا، واعتمدنا المنهج التحليلي والنقدي في البحث، وقمنا بتوضيح مفهوم الديستوبيا من خلال عرض التعريفات والمفاهيم المختلفة التي قدمها النقاد والباحثين، وتعرضنا سريعاً للسيرة الذاتية للكاتب وقمنا بتحليل مفصل للرواية ومناقشة الموضوعات التي وردت فيها للوقوف على الخصائص الفنية للديستوبيا كجنس أدبي. وبالدراسة توصلنا إلى النتائج التالية: يوجد العديد من المفاهيم والتعريفات للديستوبيا في إطار اعتبارها جنس أدبي وكذلك فكر فلسفي، وقد ظهرت في أعمال الكثيرين من الأدباء الروس ولكنها لاقت تطوراً كبيراً في إبداع الكاتب الروسي يفجيني زامياتين وتعتبر روايته (نحن) مثلاً واضحاً تتجسد فيه خصائص وسمات الديستوبيا كجنس أدبي.

الكلمات المفتاحية: أدب – الديستوبيا – النوع الأدبي – زامياتين – نحن

Жанровое своеобразие антиутопии на примере романа Е. И. Замятина «Мы».

Целью нашей работы является освещение особенностей антиутопии, её жанровая характеристика в творчестве русского писателя Е. Замятина. Этот вопрос очень мало изучен исследователями. Для достижения нашей цели мы будем анализировать роман «Мы» 1924 г., как пример антиутопии в творчестве писателя. Будем опираться на критико–литературный и описательно–аналитический методы, которые соответствуют цели и задаче исследования. Мы рассмотрим понятие антиутопии, обсудим различные мнения критиков об определении жанра антиутопии, бегло расскажем о биографии Е. Замятина, автора одного из замечательных антиутопических произведений в литературе XX века – «Мы», проанализируем роман, затронем вопросы, которые поднимает писатель в нём, чтобы уловить жанровые особенности антиутопии, которые помогают нам прийти к выводам.

Различные исследования о творчестве Евгения Замятина представляют интерес по разнице восприятия его произведений. По творчеству писателя есть литературно-критическая база, представленная в статьях, монографиях, и исследованиях. В числе работ, посвященных творчеству Замятину, следует указать на статью литературоведа Олега Михайлова «Гроссмейстер литературы»*1 1990 г, в которой он указал на жгучие проблемы, обсуждаемые в романе, пришёл к выводу, что значение романа заключается в том, что автор в нём «так или иначе касался «больных сторон» революции и послереволюционной действительности».*2

Доктор филологических наук Татьяна Давыдова затронула творчество Е. Замятина в некоторых работах. Среди них «О Замятине, термодинамике и энтропии»* 3 , «Чёрт советской литературы в записях и заметках»*4, «Е. Замятин в современном литературоведении»*5. В таких работах Т. Давыдова дала общую картину творчества писателя, сочинила многие статьи и отзывы русских и иностранных литераторов, посвященные

художественному миру Е. Замятина и его произведениям, в том числе и роман «Мы».

Кандидатская диссертация исследователя Сергея Сергеевича Романова на тему «Антиутопические традиции русской литературы и вклад Е. И. Замятина в становление жанра антиутопии»*6 была нацелена на то, чтобы выяснить «насколько правомерно говорить о наличии антиутопических традиций в русской и мировой литературе до появления романа «Мы», определить, почему именно его появление ознаменовало собой новый этап в развитии антиутопизма, а его автор был признан первым классиком жанра; найти не непосредственные, а глубинные истоки замятинского антиутопизма».*7

В своей статье «Евгений Иванович Замятин»*8 литературовед Ольга Казина обсудила различные темы и вопросы, которые включил Замятин в своей работе, акцентируя внимание на место его романа в мировом литературном процессе, что «роман Замятина оказал прямое воздействие на один из шедевров антиутопической литературы XX века – роман «Год 1984» Дж. Оруэлла....., в отличие от О. Хаксли и В. Набокова, Оруэлл признавал воздействие романа Е. И. Замятина «Мы» на своё творчество».*9

Несмотря на то, что все вышеуказанные работы представляют особый интерес, но очень мало обсужден в них ряд аспектов интересующей нас проблемы. Поэтому мы предполагаем, что будем чётко проливать свет на такие малоизученные аспекты, обсуждать жанровую проблематику антиутопии в романе Е. И. Замятина «Мы».

Жанр – это «представитель творческой памяти в процессе литературного развития»* 10 . Антиутопия — самостоятельный жанр художественной литературы, который литературоведы рассматривают как противопоставление жанру утопии. В своей книге А. Николукин указывает, что «антиутопия – пародия на жанр утопии либо на утопическую идею: подобно сатире, может придавать своеобразие самым различным жанрам: роману, поэме, пьесе, рассказу. Если утописты предлагали человечеству рецепт спасения от всех социальных и нравственных бед, то антиутописты,

как правило, предлагают читателю разобраться, как расплачивается простой обыватель за всеобщее счастье».11 Утверждая эту мысль исследовательница Ж. Владислава в своей статье отмечает, что «для поэтики антиутопии характерна полемика с утопическим идеалом мироустройства, многослойная «матрешечная» композиция, специфическая пространственно-временная организация текста и субъектно-речевая структура, столкновение социальной среды и личности». *12

Исследовательский интерес к жанру литературной антиутопии проявляется в многократных попытках разработки определения понятия «антиутопия». Существует довольно большое количество определений понятия «антиутопия» и как литературного жанра, и как философской идеи, причем необходимо отметить некоторое сближение трактовок в рамках этих двух направлений исследования. По мнению литературоведа В. Шестакова антиутопия может определяться как «перевернутая утопия»* 13, а Г. Морсон видит, что «она «антижанр», «жанр, иронически переосмысливающий ценностные ориентации литературной утопии» *14. В своей статье А. Петрихин определяет её как «демонстрация практической реализации утопических проектов»* 15, однако А. Воробьева предполагает, что она «антипроект будущего устройства»* 16 и т.д. В своей статье И. В. Игнатова подчёркивает, что «наиболее полным определением антиутопии в современном литературоведении представляется определение, предложенное С.Г. Шишкиной, разработанное на основе анализа типичных черт жанра и его взаимосвязи с жанром утопии»* 17. В свою очередь С.Г. Шишкина рассматривает антиутопию как «интертекстуальный литературный жанр, дискурс которого отличается своеобразно смоделированным хронотопом и направлен на выяснение соотношений внутри триады «человек – цивилизация – общество» с отрицанием возможности реализации утопических идеалов при условии нарушения баланса и гармонии между социумом и его нравственным наполнением»* 18.

Таким образом можно отметить, что антиутопия — прежде всего неразрывно связана с утопией — идеальным миром. Если

утопия изображает мир невозможный, отличающийся своей идеальностью и чистотой, то антиутопия изображает мир, который вполне реален. В этом мире царят захват власти, тиранические империи и государства, тоталитарные режимы, жестокие законы, бессмысленные войны, и даже детали огромного механизма, который сделает мир будущих поколений невыносимым и непригодным для счастливой жизни.

Цель автора-антиутописта не просто показать тёмное будущее, а раскрыть, что существует ряд факторов и предпосылок, который приведёт человечество к антиутопическому бытию. В мире антиутопии выделяется человек, партия или община, которые ведут народы к уничтожению, принимают законы, нарушающие права человека, в нём также совершаются глобальные преступления против природы. Одна из главных причин появления антиутопии в литературе и искусстве – революционные изменения в науке и технике.

Мнения исследователей различаются по поводу определения времени появления и распространения антиутопии в русской литературе. В своей работе доктор филологических наук Б. Ланин отмечает, что антиутопия впервые появилась в русской литературе в конце 18-ого века, доказывая, что «первой русской антиутопией стала повесть М. Хераскова «Кадм и Гармония» (1789)»*19.

Антиутопия как литературная тенденция развивалась в произведениях писателей 19-ого века. Рассказы писателя В. Ф. Одоевского «Город без имени» (1839) г. и «Последнее самоубийство» (1840) г. относятся к антиутопиям.

Исследователи творчества Ф. М. Достоевского предлагают разные определения жанра его некоторых произведений. Такие работы как «Сон смешного человека», «Легенду о Великом Инквизиторе» из «Братьев Карамазовых», «Записки из подполья», «Двойник» и «Бесы» называют антиутопией. В примеры можно ввести слова Д. М. Валовой, которая утверждает в своей статье, что « «Сон смешного человека» не является утопией, так как Достоевский не предлагает проект идеального общества, а,

напротив, скорее опровергает существующие шаблоны. Исходя из этого, можно называть рассказ антиутопией»*20. Следует сказать, что литературоведы договорились о том, что жанр антиутопии окончательно формировался лишь к XX веку. В своей диссертации исследовательница Елена Коломийцева указывает на то, что «в русской литературе антиутопия развивалась, опираясь на традиции социально-философского романа, и в XX веке получила окончательное оформление как жанровая разновидность романного типа»* 21 , добавляя, что «на протяжении XX века антиутопия постепенно становится жанровой разновидностью универсального характера и начинает бытовать в различных жанровых формах. Примечательно, что и особенная проблематика жанровой доминанты литературной антиутопии постепенно складывается тоже в разных жанровых формах на протяжении длительного времени, соотносясь с социально-историческим, культурным контекстом и общей динамикой повествовательных жанров»*.22

Евгений Иванович Замятин – автор одного из самых значительных в XX веке антиутопических произведений – романа «Мы» – объект нашего исследования.

Е. Замятин (1884 – 1937) – корабельный инженер, математик, писатель и критик, один из первых русских модернистов в прозе. Родился в семье священника в Лебедяни, окончил гимназию в Воронеже, поступил в Петербургский политехнический институт на кораблестроительный факультет. Когда был студентом вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию, о чём писал: «В те годы быть большевиком – значило идти по линии наибольшего сопротивления: и я был тогда большевиком»* 23 . Участвовал в революционной деятельности 1905 года, за которую он был арестован и заключён в тюрьму. После того, что он освободился, ему было запрещено жить в Петербурге, в которую нелегально вернулся. Поселился в Сестрорецке, а затем в Лахте, где развивался его талант как писатель. Во время Первой мировой войны в 1916 году Замятин был командирован в Англию для наблюдения за строительством ледоколов для российского военного флота. Его поразило в Англии «сцепление прошлого, вековых традиций в архитектуре и жизненном

укладе, с техникой будущего»*24. Однако пребывание в Англии в качестве иностранного инженера было для него горьким опытом, ничего не давало для расширения его писательских связей и привлечения новых читателей.

В 1917 году Е. Замятин вернулся в Россию, приветствовал Октябрьскую революцию. Однако он скоро превратился в противника новой власти, высмеивал беспомощность большевиков построить надёжный мир. На самом деле писатель восхищался западной техникой, но не принимал западного прагматизма, господства машиной над человеком, господства государства над личностью. «Он мечтал о самостоятельном историческом пути России, о том, что Россия усвоит у Европы только лучшие её достижения, но останется свободной от тёмных сторон развития механизированной цивилизации»*25.

Творческие принципы Замятина нашли яркое воплощение и прямое выражение в его произведениях, особенно в романе «Мы».

Роман «Мы» – фантастическая картина жизни в двадцать шестом веке, как указали некоторые критики или в тридцать втором веке, как указали другие. Он был написан в 1920 году. Работа над текстом продолжалась и в 1921 году. Роман был переведён на английский, французский, чешский, а в последние годы на арабский язык. Произведение было расценено как политическая ошибка и вредительство интересам советской литературы. Поэтому по цензурным соображениям оно было запрещено публиковаться в советской России. Первая публикация романа появилась в США в 1924 году на английском языке. В России впервые роман «Мы» был издан лишь в 1988 году в журнале «Знамя» № 4–5. Стало известно, что роман повлиял на творчество английского писателя Олдоса Хаксли (1894-1963), на роман «О дивный новый мир», 1932) и британского писателя Джорджа Оруэлла (1903 - 1950), на роман «1984», 1949).

Главный герой романа «Мы» – Д-503, от лица которого ведётся повествование – инженер, математик, строитель космического корабля «Интеграл» с целью изучения и покорения

других планет. Он живёт в далёком будущем с другими миллионами людьми в Едином государстве под руководством одного правителя, носящего звание «благодатель».

Фактически весь роман – это дневники, записки и рукописи Д-503, которые составляются сороками и которые являются своеобразным посланием потомкам. Такие рукописи назвал – «Мы». В них он рассказывает своим потомкам «о высочайших вершинах в человеческой истории — жизни Единого Государства и его главе Благодетеле»*.26

В первой записи он вводит заметку из Государственной Газеты, в которой написано о создании «Интеграла». Он выражает своё восхищение и гордость за Единое Государство и его свершения. Он пишет: «Через 120 дней заканчивается постройка ИНТЕГРАЛА. Близок великий, исторический час, когда первый ИНТЕГРАЛ взвезется в мировое пространство. Тысячу лет тому назад ваши героические предки покорили власти Единого Государства весь земной шар»*.27

Д-503 восхищается тем, что жители Единого Государства живут по единому строгому режиму, ведут строго регламентированную, рационализированную и рассчитанную по системе Тэйлора, жизнь. У них нет имён, им присвоен только государственный номер. Они живут в прозрачных стеклянных домах, чтобы коллектив и агенты государственного «Бюро хранителей» всегда могли видеть, чем они заняты. Все граждане государства одеты в униформу. В одно и то же время встают, приходят на работу и её начинают, в одно и то же время кончат и с нее уходят, принимают пищу, маршируют под гимны Единого государства, отдыхают и отходят ко сну. Об этом рассказывает Д-503 в романе в своей третьей записи: «Каждое утро, с шестиколесной точностью, в один и тот же час и в одну и ту же минуту мы, миллионы, встаем как один. В один и тот же час единомиллионно начинаем работу -- единомиллионно кончаем. И, сливаясь в единое, миллионнорукое тело, в одну и ту же, назначенную Скрижалью, секунду, мы подносим ложки ко рту и в

одну и ту же секунду выходим на прогулку и идем в аудиториум, в зал Тэйлоровских экзерсисов, отходим ко сну... »*28. Герой крепко верит в то, что «„Мы“ — от Бога, а „я“ — от дьявола»*29.

Д-503 высмеивает прошлое, осуждает свободную жизнь, которую вели люди прошлых веков, считает такой образ жизни настоящим поголовным убийством. В своих записях он пишет: «Много невероятного мне приходилось читать и слышать о тех временах, когда люди жили еще в свободном, т. е. неорганизованном, диком состоянии. Но самым невероятным мне всегда казалось именно это: как тогдашняя — пусть даже зачаточная — государственная власть могла допустить, что люди жили без всякого подобия нашей Скрижали, без обязательных прогулок, без точного урегулирования сроков еды, вставали и ложились спать, когда им взбредет в голову; некоторые историки говорят даже, будто в те времена на улицах всю ночь горели огни, всю ночь по улицам ходили и ездили. Вот этого я никак не могу осмыслить. Ведь как бы ни был ограничен их разум, но все-таки должны же они были понимать, что такая жизнь была самым настоящим поголовным убийством — только медленным, изо дня в день»*30.

Для любви отводится номерам особый час по талонам. Для каждого определяют подходящий табель сексуальных дней. А для того, чтобы один номер иметь возможность общаться с номером противоположного пола надо записаться на него и получить специальную талонную книжку с графиком сексуальных встреч. Только в особый час позволено отпустить занавески в прозрачном жилище. Иметь детей разрешается только тем людям, которые соответствуют нормам, установленным евгенической комиссией. Нарушителей законов государства казнит сам Благодетель с помощью гильотиной – специальной Машины, подготовленной для казни.

По ходу развития событий герой романа «Мы» неожиданно влюбляется в одну женщину, которая носит номер I-330, нарушая законы Интергала.

I-330 предлагает, чтобы Д-503 нарушил распорядок дня и остался с ней. Он в ужасе, по правилам Единого государства, ему надлежит пойти в Бюро Хранителей и сообщить там о женщине, нарушительнице порядка Государства. Вместо этого он идет в Медицинское Бюро, где его освобождают от работы.

Влюбленные встречаются в Древний Дом, где I-330 приглашает Д-503. Это квартира-музей, в которой присутствуют вещи из далекой древности – рояль, статуя Пушкина и многое другое из того, чего в их мире уже давно невозможно встретить, что оказалось совершенно новым иррациональным миром для героя. В шестой записи героя отвратительно описывается дом, в который он вынужден пойти. «Я открыл тяжелую, скрипучую, непрозрачную дверь — и мы в мрачном беспорядочном помещении (это называлось у них «квартира»). Тот самый странный, «королевский» музыкальный инструмент — и дикая, неорганизованная, сумасшедшая — как тогдашняя музыка — пестрота красок и форм. Белая плоскость — вверху; темно-синие стены; красные, зеленые, оранжевые переплеты древних книг; желтая бронза — канделябры, статуя Будды; исковерканные эпилепсией, не укладывающиеся ни в какие уравнения — линии мебели. Я с трудом выносил этот хаос. Но у моей спутницы был, по-видимому, более крепкий организм»*31.

Во время своей встречи, героиня ведёт себя совсем свободно, ещё нарушая правила, принятые в государстве, она курит папиросы, пьет ликер, делает так, что и Д-503 выпивает глоток ликера. И то, и другое считается в Государстве запрещенными ядами. Д-503 ещё раз не умеет сообщить в Бюро Хранителей о нарушении. Он вдруг понимает, что становится совсем другим и не может больше выполнять свои обязанности перед Государством. Придя в Медицинское Бюро, он узнает, что неизлечимо болен — у него появилась душа.

О-90 – бывшая подруга героя, с которой он раньше проводил сексуальный час, понимая, что он не может больше с ней встречаться, что теперь он стал записаться на другую женщину, приходит к нему с просьбой, что хочет от него ребёнка. Он в ужасе –

она еще не дошла до материнской нормы, и за нарушение ее ожидают наказание и машина казни. Но она настойчива, и Д-503 выполняет ее просьбу. В своей девятнадцатой рукописи он вводит свой разговор с О-9:

«—... Я сейчас уйду... я никогда больше, и пусть. Но только я хочу — я должна от вас ребенка — оставьте мне ребенка, и я уйду, я уйду!

Я видел: она вся дрожала под юнифой, и чувствовал, я тоже сейчас — — Я заложил назад руки, улыбнулся:

— Что? Захотелось Машины Благодетеля?

И на меня — все так же, ручьями через плотины — слова:

— Пусть! Но ведь я же почувствую — я почувствую его в себе. И хоть несколько дней... Увидеть — только раз увидеть у него складочку вот тут — как там — как на столе. Один день! »*32

Наступает главный праздник Единого Государства – День Единогласия, во время которого производятся выборы Благодетеля.

С чувством восхищения герой рассказывает об этом празднике в своей двадцать четвёртой записи: «Вот — о Дне Единогласия, об этом великом дне. Я всегда любил его — с детских лет. Мне кажется, для нас — это нечто вроде того, что для древних была их «Пасха»..... Завтра я увижу все то же, из года в год повторяющееся и каждый раз по-новому волнующее зрелище: могучую чашу согласия, благоговейно поднятые руки. Завтра — день ежегодных выборов Благодетеля. Завтра мы снова вручим Благодетелю ключи от незыблемой твердыни нашего счастья».*33

Он и сравнивает выборы у них с выборами предшественников, которые оказались для него беспорядочными, нелогичными: «Разумеется, это непохоже на беспорядочные, неорганизованные выборы у древних, когда — смешно сказать, — даже неизвестен был заранее самый результат выборов. Строить государство на совершенно неучитываемых случайностях, вслепую — что может быть бессмысленней? И вот все же, оказывается,

нужны были века, чтобы понять это. Нужно ли говорить, что у нас и здесь, как во всем — ни для каких случайностей нет места, никаких неожиданностей быть не может. И самые выборы имеют значение скорее символическое: напомнить, что мы единый, могучий миллионноклеточный организм, что мы — говоря словами «Евангелия» древних — единая Церковь. Потому что история Единого Государства не знает случая, чтобы в этот торжественный день хотя бы один голос осмелился нарушить величественный унисон»*34.

Д-503 вместе с миллионами граждан голосует за прежнего Благодетеля. Однако против него голосуют тысячи граждан Государства, и среди них и I-330. Тогда Д-503 спасает её от расправы, унося из толпы. На следующий день Государственная газета сообщает о том, «Вчера состоялся давно с нетерпением ожидавшийся всеми День Единогласия. В 48-й раз единогласно избран все тот же, многократно доказавший свою непоколебимую мудрость Благодетель. Торжество омрачено было некоторым замешательством, вызванным врагами счастья, которые тем самым, естественно, лишили себя права стать кирпичами обновленного вчера фундамента Единого Государства»*35.

На улицах появляются листовки, подписанные «Мефи». Во время очередного свидания I-330 открывает Д-503, что «Мефи» – это подпольная организация, которая отвергает правила и законы Единого Государства и ведёт движения сопротивления, I-330 сама является членом этой организации. Ей удаётся на время втянуть инженера в такое движения, она предлагает ему присоединиться к ним и открывает план – они хотят захватить во время испытаний «Интеграл» и нанести по Государству удар, который решит всё, она убеждает его в правоте своих идей и точки зрения, призывает его участвовать в подготовке мятежа.

Инженер был в глубоком изумлении и недоумении, не знает, как подумать и что можно сделать. Это отражается в своей двадцать восьмой записи: «Я уже давно перестал понимать: кто — они, и кто — мы. Я не понимаю, чего я хочу: чтобы успели — или не успели.

Мне ясно только одно: I сейчас идет по самому краю, — и вот-вот..."³⁶ Однако он был готов уехать с I-330 в любое место, говорит своей любимой: "— I, милая, — пока еще не поздно... Хочешь — я брошу все, забуду все — и уйдем с тобой туда, за Стену, — к этим... я не знаю, кто они"*³⁷.

Д-503, нарушая ещё раз правила Единого государства, не может пойти в Бюро Хранителей и раскрыть заговор, так как среди заговорщиков его любимую женщину, но на самом деле он не может и решится поддержать их, опасаясь, что она встречается с ним только из-за того, что именно он, как создатель, будет проводить испытательный полет «Интеграла».

Вспыхивает мятеж, и выясняется, что у Благодетеля много противников, которые замышляют государственный переворот. Улицы города заполняют восставшие. Граждане государства забывают обо всех правилах, в городе царит хаос и беспорядок. Но хранители хватают всех на улицах, в том числе и Д-503.

Власти объявляют о причинах, которые привели к беспорядку, утверждая, что среди нумеров есть ряд людей, который страдает от болезни, именуемой фантазия. Поэтому подготовлен специальный нервный центр по борьбе с фантазией, и болезнь излечивается рентгеновским облучением.

На следующий день в Газете опубликован манифест о Великой Операции, которой должны подвергнуться все номера государства, и она поможет им излечиться от, болезни, от фантазий и стать совершенными и полностью равными. В первой странице газеты объявлено: «Враги счастья не дремлют. Обеими руками держитесь за счастье! Завтра приостанавливаются работы — все номера явятся для Операции. Неявившиеся — подлежат Машине Благодетеля»*³⁸.

Убегая из аудитории, где собрали все граждане для проведения Операции, Д-503 встречает О-90, которая просит спасти ее и ребёнка. Он пишет записку, отправляя ее к I-330, которая помогает О-90 перебраться через стену, окружающую Государство.

Приводят Д-503 в аудиториум и подвергают операции, после которой он стал здоровым, ему удалось избежать последствий своего бывшего безрассудного шага. Сейчас ему легко совершить то, что он всегда считал своим долгом, то есть выдать сообщников полиции.

В конечном счете Д-503 после операции приходит к Благодетелю и рассказывает ему все, что знает о заговорщиках, говорит ему, что он был нужен заговорщикам только как создатель «Интеграла».

I-330 вместе с другими сообщниками, участвовавшими в заговоре против Единого государства идёт к Машине Благодетеля. Д-503 в полном спокойствии и вместе с Благодетелем наблюдает за тем, как пытаются добиться показаний от неё в Газовой камере. Она лишь улыбается, смотрит на него и молчит.

Он также спокойно наблюдает, как пытаются I-330 под стеклянным колпаком, откачивая из-под него воздух. В своей последней сороковой записи Д-503 детально описывает ситуацию: «ее ввели под Колокол..... Когда из-под Колокола стали выкачивать воздух — она откинула голову, полузакрыла глаза, губы стиснуты — это напомнило мне что-то. Она смотрела на меня, крепко вцепившись в ручки кресла, смотрела, пока глаза совсем не закрылись. Тогда ее вытащили, с помощью электродов быстро привели в себя и снова посадили под Колокол. Так повторялось три раза — и она все-таки не сказала ни слова. Другие, приведенные вместе с этой женщиной, оказались честнее: многие из них стали говорить с первого же раза. Завтра они все взойдут по ступеням Машины Благодетеля»*39.

Заканчивается роман Е. Замятина «Мы» записью Д-503: «Я уверен – мы победим. Потому что разум должен победить».

Передя к определению жанровой специфики антиутопии в романе Е. Замятина «Мы», следует указать характерные признаки, по которым она безошибочно угадывается.

Фигура проводника, то есть героя-повествователя характерна для жанра антиутопии, в романе «Мы» появление этой фигуры

связывается с образом инженера Д-503, строителя космического аппарата «Интергал». Сюжет романа начинает показаться с заявлением героя о своём намерении написать записи о Едином Государстве, то есть возникает роман о романе. Таким образом

Рассказчик выступает в роли творца произведения, рассказывает, описывает события, выражает своё мнение, оценивает ситуации, обсуждает жгучие философские, социальные и политические вопросы. описывает и комментирует ход творческого процесса, обсуждает создаваемый текст по ходу его развертывания.

Несмотря на то, что автор дневников о Едином Государстве обращается в них к своим потомкам, вступает в диалог с жителями древних времён, он пишет в своей пятой записи: «И мне теперь совершенно ясно: странное чувство внутри — просто я боюсь, что какой-нибудь икс останется в вас, неведомые мои читатели. Но я верю — вы не будете слишком строго судить меня. Я верю — вы поймете, что мне так трудно писать, как никогда ни одному автору на протяжении всей человеческой истории: одни писали для современников, другие — для потомков, но никто никогда не писал для предков или существ, подобных их диким, отдаленным предкам...»*40.

Тема свободы личности является одной из главных тем антиутопических произведений. Эта тема обсуждается путём высмеивания над всеобщим равенством.

В романе Замятина показана жизнь типичного тоталитарного государства. Нет индивидуальности, нет конфиденциальности, нет таланта, нет творчества. Непозволенно иметь собственные желания, интересы людей подчиняются интересам государства, нет места для чувств, в том числе и чувства любви. Жители Единого государства не отличаются друг от друга, за исключением своих порядковых числ. Они живут в стеклянных домах, в комнатах с прозрачными стенами, что позволяет легко вести наблюдение за ними.

Тот, кто нарушает порядок подвергается или Машине Благодетеля или хирургическому вмешательству.

В своей работе литературовед Леонид Кременцов указывает, на то, что Е. Замятин в своей антиутопии «Мы» «предостерегал от посягательств на права отдельного человека, от попыток противопоставления коллектива индивидууму»* 41.

Следует отметить, что главная проблема романа Замятина – подавленность личности массовой. В своей книге писатель подчёркивает, что «в романе предсказаны тотальная коллективизация, массовый террор, культ личности, методы психической обработки людей и их превращения в послушную массу, которой легко управлять. Замятин предвидел возможность государственного контроля не только над поступками, но и над мыслями человек. Он выступил в романе против подавления государством личной свободой»* 42.

Писатель хотел предупредить молодое общество о том, что считал для него опасным, — о намечавшейся бездуховности, о попрании принципов гуманизма, о невозможности строить человеческое счастье средствами одного только технического прогресса, о недопустимости подавления личности, о лживости политиков и т.п.

Проблема счастья человечества тесно связана в романе с вопросом о свободе личности. Счастье достигается только всеобщим равенством. В книге Е. Замятина отмечено, что «прибегая к тому, что он сам назвал «сдвигом», «кривизной», «искажением», создав условные обстоятельства, Замятин в своём романе подвергает испытанию идею всеобщего счастья, счастье, возвращенного инкубаторским путём – воперки законам органического развития – на основе рационалистического знания о нуждах человечества, о природе личности»*43.

Е. Замятин пародийно обсуждает проблему счастья на устах своего героя, который понятие счастья поставит в противовес понятию свободы. Обращается к воспоминаниям об Адаме и Еве, которые выбрали свободу, потом сожалели о своём выборе. Он убеждается в том, что тот кто подтолкнул к пагубной свободе – это диавол, которого они смогли преодолеть. В своём разговоре с одной

из перножей романа, который носит имя R-13 герой передаёт ту идею, о которой рассказывает в записи 11-ой: «— Понимаете — древняя легенда о рае... Это ведь о нас, о теперь. Да! Вы вдумайтесь. Тем двум в раю — был предоставлен выбор: или счастье без свободы — или свобода без счастья; третьего не дано. Они, олухи, выбрали свободу — и что же: понятно — потом века тосковали об оковах. Об оковах — понимаете, — вот о чем мировая скорбь. Века! И только мы снова догадались, как вернуть счастье... Нет, вы дальше — дальше слушайте! Древний Бог и мы рядом, за одним столом. Да! Мы помогли Богу окончательно одолеть диавола — это ведь он толкнул людей нарушить запрет и вкусить пагубной свободы, он — змий ехидный. А мы сапожищем на головку ему — тррах! И готово: опять рай. И мы снова простодушны, невинны, как Адам и Ева. Никакой этой путаницы о добре, зле: все — очень просто, райски, детски просто. Благодетель, Машина, Куб, Газовый Колокол, Хранители — все это добро, все это — величественно, прекрасно, благородно, возвышенно, кристально-чисто. Потому что это охраняет нашу несвободу — то есть наше счастье»*.44

Диалог между героем-рассказчиком и Благодетелем в последних дневниках — точно в тридцать шестой записи — представляется кульминацией романа. Благодетель сообщил ему формулу счастья: «Истинная алгебраическая любовь к человеку — непременно бесчеловечна, и непреходящий признак истины — её жестокость».45

В художественном осмыслении этого актуального вопроса — вопроса человеческого счастья— в романе «Мы» известный британский писатель Джордж Оруэлл пришёл к выводу о том, что «Руководящий принцип Государства состоит в том, что счастье и свобода несовместимы. Человек был счастлив в саду Эдема, но в безрассудстве своем потребовал свободы и был изгнан в пустыню. Ныне Единое Государство вновь даровало ему счастье, лишив свободы»*46.

Ритуализация жизни — еще одна структурная особенность антиутопии. Там, где царит ритуал, непозволены хоас,

индивидуальное поведение, свобода личности. Движение людей, их поступки запрограммированы. Среди таких ритуалов антиутопии – празднования, казни, пытки. Ритуалы сопровождаются с определёнными обрядами и особой церемонностью.

В следствии отказа от ритуала и предпочтения собственного интереса возникает конфликт между государством и человеком.

Конфликт основывается на внутреннем сопротивлении. У героев антиутопических произведений появляется ощущение дискомфорта, отторжения навязываемых порядков, противоречащих человеческой природы. В этой связи литературовед Б. А. Ланина утверждает, что «предчувствие усложненности мира, страшная догадка о несводимости философского представления о мире к догматам "единственно верной" идеологии становится главным побудительным мотивом для бунта героя»*47.

В замятинской антиутопии выделяется два основных ритуала, ритуал выборов и ритуал казни (правосудия).

Праздничный День Единогласия – главный ритуал в Едином государстве. Тот день, в который ежегодно выбирают главы государства Благодетеля Д-503 любит с детства, указывая на такое особое место, которое занимает этот праздник в сердцах обитателей Единого государства, он для них, как Пасха для древних православных. В этот день совершаются выборы, проводятся некоторые обряды. Люди одеваются в новой, только что из мастерской, униформе. Поэты читают панегирические оды. Все глаза поднимаются туда, вверх ожидая Благодетеля, связавшего их по рукам и ногам благодетельными тенетами счастья. Герой–рассказчик посвятил записи 24-ую и 25-ую описанию церемониальных обрядов в этот день. «(Помешали: принесли новую, только что из мастерской, униформу. По обычаю нам всем выдают новые униформы к завтрашнему дню. В коридоре — шаги, радостные возгласы, шум.)»48

Он и описывает ту ситуацию, когда наступил час голосования, "Все глаза были подняты туда, вверх: в утренней,

непорочной, еще не высохшей от ночных слез синеве — едва заметное пятно, то темное, то одетое лучами. Это с небес нисходил к нам Он — новый Иегова на аэро, такой же мудрый и любяще-жестокий, как Иегова древних. С каждой минутой Он все ближе — и все выше навстречу ему миллионы сердец — и вот уже Он видит нас. И я вместе с ним мысленно озираю сверху: намеченные тонким голубым пунктиром концентрические круги трибун — как бы круги паутины, осыпанные микроскопическими солнцами (— сияние блях); и в центре ее — сейчас сядет белый, мудрый Паук — в белых одеждах Благодетель, мудро связавший нас по рукам и ногам благодетельными тенетами счастья»*49.

Переидя к другому замечательному ритуалу в романе, как изобразил его Д-503 в своих дневниках — это ритуал исполнения приговоров над преступниками против Единого Государства, то есть ритуал казни. Он видит в казнях аналог великим жертвоприношениям старых миров. Казнь в Едином государстве — нормальное и привычное дело. При проведении смертной казни присутствуют Благодетель и публика. Поэты читают хвалебные оды. Казнь совершается гильотиной —аппаратом казни, который уничтожает в мгновение жертву, от которой остается облако пара и лужа чистой воды. В последней записи герой описывает сцену казни I-330: «ее ввели под Колокол. У нее стало очень белое лицо, а так как глаза у нее темные и большие — то это было очень красиво. Когда из-под Колокола стали выкачивать воздух — она откинула голову, полузакрыла глаза, губы стиснуты — это напомнило мне что-то. Она смотрела на меня, крепко вцепившись в ручки кресла, — смотрела, пока глаза совсем не закрылись. Тогда ее вытащили, с помощью электродов быстро привели в себя и снова посадили под Колокол. Так повторялось три раза»* 50. В своей статье об замятинской антиутопии Джорж Оруэлл затронул проблему казни, указывая на то, что «казнь, по сути, является принесением в жертву человека, и этот ритуал пронизан мрачным духом рабовладельческих цивилизаций Древнего мира. Именно это интуитивное раскрытие иррациональной стороны тоталитаризма — жертвенности, жестокости как самоцели, обожания Вождя,

наделенного божественными чертами, — ставит книгу Замятина выше книги Хаксли»*51.

Фантазия — одна из главных характерных черт жанра антиутопии. Роман «Мы» — фантастическая антиутопия, которая рассказывает об ином мире, иной действительности, этот мир различается от нашего реального мира, но имеет с ним некоторые сходства. Действие романа происходит на тысячу лет вперед в фантастическом пространстве.

Один из фантастических образов в романе Замятина — Интергал, космический корабль или космический снаряд, который построил инженер Д-503, чтобы врываться за атмосферы, достичь иных миров, проинтегрировать Вселенную и вести о Едином государстве, в котором люди живут идеально и счастливо вдали от дикой свободы. Об Интергале инженер пишет: «Я вижу: «Интеграл» мыслит о великом и страшном своем будущем, о тяжком грузе неизбежного счастья, которое он понесет туда, вверх, вам, неведомым, вам, вечно ищущим и никогда не находящим. Вы найдете, вы будете счастливы — вы обязаны быть счастливыми, и уже недолго вам ждать»*52. Корпус Интергала он описывает как «изящный, удлинённый эллипсоид из нашего стекла — вечного, как золото, гибкого, как сталь. Я видел: изнутри крепили к стеклянному телу поперечные ребра — шпангоуты, продольные — стрингера; в корме ставили фундамент для гигантского ракетного двигателя. Каждые 3 секунды — взрыв; каждые 3 секунды могучий хвост «Интеграла» будет извергать пламя и газы в мировое пространство»*53.

Сюжет романа фантастичен. Место и время — фантастичны. В произведении Е. Замятина фантастическое используется как приём и способ для выражения позиции автора относительно актуальным проблемам бытия и жизни. Оценивая «Мы» А. И. Солженицын описывает роман как «блестящую, сверкающую талантом вещь; среди фантастической литературы редкость тем, что люди — живые и судьба их очень волнует»*54.

Используя редкие художественные приёмы при создании своего произведения, Е. Замятин посвятил в нём символу особое место. По рассмотрению романа можно выделить в нём некоторые символы. Среди них – Зелёная стена, которая окружает Единое государство. Стена – символ оков, контроля над человеческим сознанием. Стена – преград, который ограждает жителя Единого государства от беспорядочного неорганизованного мира, отвечает его потребности в стабильности и порядке. Об такой идее Д-503 с восхищением пишет в своей 17-ой записи: «между мной и диким зеленым океаном — стекло Стены. О, великая, божественно-ограничивающая мудрость стен, преград! Это, может быть, величайшее из всех изобретений. Человек перестал быть диким животным только тогда, когда мы построили Зеленую Стену, когда мы этой Стеной изолировали свой машинный, совершенный мир — от неразумного, безобразного мира деревьев, птиц, животных...»*55.

Стекло в романе «Мы» приобретает символический смысл. Несмотря на то, что оно выступает в нём как предметная деталь: (стеклянный корабль, стеклянные полы, стеклянный купол, стеклянные дома, стеклянные тротуары, которые образуют стеклянный рай Единого государства, оно символизирует на то, что в нём нет тайны, нет конфиденциальности, нет права на уединение. Никто и ничто не может скрыться от глаз хранителей государства.

В произведении Е. Замятина число сорок – символическо. Книга состоит из 40-ых записей. 40 – сакральное число для православия, одно из символических чисел Библии. Такое число многократно встречается в нём и символизирует полноту. В земной жизни Иисуса Христа связаны два события с числом сорок. «Перед началом проповеди Царства Небесного Спаситель мира, удалившись в безводную Иудейскую пустыню, постился сорок дней, ничего не вкушая»* 56. Также «до Своего вознесения Воскресший Господь оставался на земле сорок дней»*57. В романа Е. Замятина 40 дней – история обретения и утраты главного героя Д-503 живой души, своего «Я», то есть своей личности.

В своей работе доктор филологических наук Татьяна Давыдова отмечает, что литератор Сергей Евсеев указывая на символическое в романе «Мы», пишет: «В творчестве Замятина снимается и символистское “двоемирие” вечного и преходящего, так как признается, что сущность личности – в ее временности...»*58.

При оценке, роман Е. Замятина стал жгучим предметом споров между критиками и литературоведами.

Некоторые литераторы подчеркнули, что сила романа заключалась в критическом воссоздании в нём конкретно-исторических реалий жизни послереволюционной России. В своей статье Татьяна Давыдова указала на то, что «эту критику не смогли принять не только деятели РАППа, но даже и такие единомышленники Замятина, как Горький и Пришвин»* 59. М. Горький оценил роман как «отчаянно плохо; совершенно не оплодотворенная вещь. Гнев ее холоден и сух, это — гнев старой девы»*60.

Утверждая предыдущую мысль Олег Михайлов в своей статье выразил мнение о том, что «фантастический роман «Мы» воспринимался современниками как злая карикатура на социалистическое, коммунистическое общество будущего»*61.

В этом отношении показательна «реакция Дм. Фурманова, зафиксированная в его записных книжках, которые были опубликованы в 50-е годы: ... «Мы» — ужас перед реализующимся социализмом... Этот роман — злой памфлет-утопия о царстве коммунизма, где все подравнено, оскоплено... Замятинство — опасное явление»*62.

Некоторые критики видят, что в романе «Мы» Е. Замятин выступил как сторонник революционного типа развития общества. «Американский славист А. Фишер, принимавший участие в заседании "круглого стола" в "Литературной газете" в 1988 г., утверждал, что значение замятинского романа в том, что он помогает понять, что такое революционный максимализм русской интеллигенции»*63.

Английский писатель Джордж Оруэлл, автор известной антиутопии «1984» категорично отказал все такие предыдущие мнения, утвердил, что «Замятин вовсе и не думал избрать советский режим главной мишенью своей сатиры. Он писал еще при жизни Ленина и не мог иметь в виду сталинскую диктатуру, а условия в России в 1923 году были явно не такие, чтобы кто-то взбунтовался, считая, что жизнь становится слишком спокойной и благоустроенной. Цель Замятина, видимо, не изобразить конкретную страну, а показать, чем нам грозит машинная цивилизация»*64.

Подтверждая правильности такой идеи, в книге Е. Замятина указано, что роман «Мы» – это памятка о возможных последствиях бездумного технического прогресса, предупреждение о том, куда привести наука, утратившего духовного начала. Утверждая эту мысль, литературовед Машбиц-Веров подчёркивает, что «Замятин восстает лишь против механической размеренности жизни, протв штампа, когда люди, как муравьи, одинаковы»*65.

У египетского критика Рамсиса Авада особое мнение при оценке романа. Он видит, что «роман представляется победой урбанизма над сельской жизнью, что горожане смогли самостоятельно жить в далеке от сельчан, после того, что первые успели производить искусственную пищу из нефти, не нуждая в сельскохозяйственных продуктах»*66

В конечном итоге можно предположить, что фантастическая антиутопия Е. Замятина «Мы» – предупреждение о двойной опасности, которая грозит человеческой жизни: власть государства и власть машины.

В итоге можно сделать некоторые выводы:

Существует довольно большое количество определений понятия «антиутопия» в рамках двух направлений – определение как литературного жанра и как философской идеи.

Антиутопия как литературная тенденция развивалась в произведениях некоторых русских писателей, в том числе В.

Одоевского и Ф. Достоевского, но она достигла вершины развития в творчестве Е. Замятина.

Роман «Мы» Е. И. Замятина – замечательный пример антиутопии, в котором воплощаются основные черты и признаки антиутопии, как содержательного, так и структурно-композиционного характера.

Антиутопия обладает принципиальными романскими свойствами и признаками, среди них:

- Фигура проводника, то есть героя–повествователя характерна для жанра антиутопии, в романе «Мы» появление этой фигуры связывается с образом инженера Д-503 – героя романа.

- Тема свободы личности и жесткого ограничения прав человек, которая обсуждается путём высмеивания над всеобщим равенством.

- Направленность антиутопия на сатирическое осмеяние, и в тоже время на разрешение сложных проблем человеческого бытия, главней всего проблемы счастья, роли тоталитарных режимов, злоупотребления науки и техники в нарушении человеческого счастья.

- Ритуализация жизни, которая выступает как структурная особенность антиутопии.

- Фантастическое, которое используется как основной способ для создания антиутопического произведения.

В своём романе Е. Замятин использовал символ как главный приём для художественного изображения своей мысли.

Критики и литераторы по-разному восприняли и оценили роман «Мы», в своих отзывах содержатся противоположные мнения по поводу его сюжета и лейтмотива.

Список литературы

- 1- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского, М., 1979.
- 2- Валова Д. М. Статья "Жанровая поэтика рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека», // Уральский филологический вестник. № 5, 2015.
- 3- Владислава Ж. В. Эволюция классической системы персонажей в антиутопии А. Старобинец «Живущий», // научный журнал КубГАУ, №112(08), 2015 года.
- 4- Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX-начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. д-ра филол. наук. Саратов, 2009.
- 5- Давыдова Т. Т. Письма Е. И. Замятина разным адресатам. // «Новый Мир» 1996, №10.
- 6- Давыдова Т. Т. И Юрий Азаров. Статья «Чёрт советской литературы» в записях и заметках», // «Новый Мир» 1997, №10
- 7- Давыдова Т. Т. Статья «Чёрт советской литературы» в записях и заметках», // «Новый Мир» 2002, №3
- 8- Давыдова Т. Т. Статья «Е. Замятин в современном литературоведении», // Вопросы литературы 2015, №6
- 9- Деяния Апостолов, глава 1, стих 3.
- 10-Евангелие от Матфея, глава 4, стих 2 и . Евангелие от Луки, глава 4, стих 2.
- 11-Замятин Евгений. Избранные произведения, М., изд. "Советская Россия", 1990.
- 12-Замятин Евгений. Мы. Избранное. М., изд. "Профиздат", 2007.
- 13-Игнатова И. В. Отличительные черты молодежной антиутопии как жанра художественной литературы (на примере трилогии С. Коллинз «The Hunger Games») // Российский гуманитарный журнал. 2015. Том 4. № 6.
- 14- Казина. О. А. Статья «Замятин Е. И.» в кн.: Мы. Повести и рассказы, изд. "Дрофа, М., 2007.
- 15-Кременцов Леонид – русская литература в XX веке. Обретения и утраты: <https://profilib.com/chtenie/157244/leonid-krementsov-russkaya-literatura-v-khkh-veke-obreteniya-i-utraty-uchebnoe-posobie-4.php>
- 16-Коломийцева Е.. Реферат диссер. «Формирование жанровой проблематики и поэтики литературной антиутопии в художественной прозе русских писателей XIX века», Ставрополь, 2001.
- 17- Ланин. Б. А. Реферат диссер. «Русская литературная антиутопия XX века», М., 1993.
- 18- Ланин. Б. А. "Русская антиутопия XX века", М., 1996.
- 19- Михайлов Олег. Статья "Гроссмейстер литературы": в кн. Е. И. Замятин. Избранные произведения в двух томах. Т. 1, М., изд. "Художественная литература", 1990.
- 20- Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. URL: <http://chalikova.ru/g-morson-graniczyi-zhanra.html>
- 21- Николюкин. А. Н. И др. Литературная энциклопедия терминов и понятий, М., изд. "Интелвак", 2003.
- 22- Оруэлл Джордж. « "Скотный Двор: Сказка". Эссе. Статьи. Рецензии.», изд. Библиотека журнала «Иностранная литература», М., 1989.

- 23-Петрихин А. В. Антиутопия как способ осознания единства цели и различия путей ее достижения гуманизмом и утопией // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2009. Т. 5. № 6.
- 24-Примочкина Н. Н., Примочкин Б. П. М. Горький и Е. Замятин. (К истории творческих взаимоотношений). — В кн.: "Творчество М. Горького в художественной системе социалистического реализма. Горьковские чтения, 86". Ч. 1. Горький. 1986.
- 25-Романов С. С. Диссер. «Антиутопические традиции русской литературы и вклад Е. И. Замятина в становление жанра антиутопии», Курск, 1998.
- 26- Машбиц-Веров и Евгений Замятин на литературном посту 1927, № 17-18, с. 58 в кн. Е. И. Замятин. Избранные произведения в двух томах. Т. 1, М., изд. "Художественная литература", 1990.
- 27- Чернец Л. В. Введение в литературоведение, М., изд. "Высшая школа", 2004.
- 28- Шестаков В. П. Эволюция русской литературной утопии // Вечер в 2217. Русская литературная утопия. М., 1990.
- 29- Шишкина С. Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Вестник ИГХТУ. 2007. Вып.
- 30-<https://www.allsoch.ru/sochineniya/3087>
- 31-http://licey.net/free/13literatura_20_veka_analiz_dlya_sochinenii/64eretiki_v_literature_1_andreev_e_zamyatin_b_pilnyak_m_bulgakov/stages/2868-zhanr_i_syuzhet_romana_my.html
- 32-<http://main.isuct.ru/files/publ/vgf/2007/02/199.htm> 7
- 33-http://lithelper.com/p_Istoriya_sozdaniya_i_analiz_romana_Mi_Zamyatina_E_I
- 34- <http://www.parta.com.ua/stories/view/394/>

٣٥- رمسيس عوض. أدباء روس منشقون، دار نشر (الهيئة العامة للكتاب)، ١٩٩٢م.

---

¹ Михайлов Олег. Статья "Гроссмейстер литературы": в кн. Е. И. Замятин. Избранные произведения в двух томах. Т. 1, М., изд. "Художественная литература", 1990.

² Там же, с. 16.

³ Давыдова Т. Т. И Юрий Азаров. Статья «Чёрт советской литературы» в записях и заметках», // «Новый Мир» 1997, №10

⁴ Давыдова Т. Т. Статья «Чёрт советской литературы» в записях и заметках», // «Новый Мир» 2002, №3

⁵ Давыдова Т. Т. Статья «Е. Замятин в современном литературоведении», // Вопросы литературы 2015, №6

⁶ Романов С. С. Диссер. «Антиутопические традиции русской литературы и вклад Е. И. Замятина в становление жанра антиутопии», Курск, 1998.

⁷ Романов С. С. Реферат диссер. «Антиутопические традиции русской литературы и вклад Е. И. Замятина в становление жанра антиутопии», указ. соч. С. 5.

⁸ Казина. О. А. Статья «Замятин Е. И.» в кн.: Мы. Повести и рассказы, изд. "Дрофа, М., 2007.

⁹ Там же, с. 25.

- ¹⁰ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского, М., 1979. С. 122 в кн: Чернец Л. В. Введение в литературоведение, М., изд. "Высшая школа", 2004. С. 162.
- ¹¹ Николоюкин. А. Н. И др. Литературная энциклопедия терминов и понятий, М., изд. "Интелвак", 2003. С. 38.
- ¹² Владислава Ж. В. Эволюция классической системы персонажей в антиутопии А. Старобинец «Живущий», // научный журнал КубГАУ, №112(08), 2015 года.
- ¹³ Шестаков В. П. Эволюция русской литературной утопии // Вечер в 2217. Русская литературная утопия. М., 1990. С. 5
- ¹⁴ Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. URL: <http://chalikova.ru/g-morson-graniczyi-zhanra.html>
- ¹⁵ Петрихин А. В. Антиутопия как способ осознания единства цели и различия путей ее достижения гуманизмом и утопией // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2009. Т. 5. № 6. С. 140
- ¹⁶ Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX-начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. д-ра филол. наук. Саратов, 2009. С.6.
- ¹⁷ Игнатова И. В. Отличительные черты молодежной антиутопии как жанра художественной литературы (на примере трилогии С. Коллинз «The Hunger Games») // Российский гуманитарный журнал. 2015. Том 4. № 6. С. 440
- ¹⁸ Шишкина С. Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра // Вестник ИГХТУ. 2007. Вып. 5. <http://main.isuct.ru/files/publ/vgf/2007/02/199.htm> 7
- ¹⁹ Ланин. Б. А. Реферат диссер. «Русская литературная антиутопия XX века», М., 1993. Научная библиотека диссертаций и авторефератов, *dissercat*. <http://www.dissercat.com>.
- ²⁰ Валова Д. М. Статья "Жанровая поэтика рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека», // Уральский филологический вестник. № 5, 2015. С. 90
- ²¹ Коломийцева Е.. Реферат диссер. «Формирование жанровой проблематики и поэтики литературной антиутопии в художественной прозе русских писателей XIX века», Ставрополь, 2001.
- ²² Там же.
- ²³ Казина. О. А. Статья «Замятин Е. И.» в кн.: Мы. Повести и рассказы, указ. соч., с. 5.
- ²⁴ Там же. С. 7.
- ²⁵ Там же. С. 12.
- ²⁶ <http://www.parta.com.ua/stories/view/394/>
- ²⁷ Замятин Евгений. Мы. Избранное. М., изд. "Профиздат", 2007, с. 3.
- ²⁸ Там же., с. 11.
- ²⁹ Там же., с. 95.
- ³⁰ Там же. с. 11-12.
- ³¹ Там же, с. 21-22.
- ³² Там же, с. 84
- ³³ Там же, с. 101-102.
- ³⁴ Там же, с. 102.
- ³⁵ Там же. с. 110.
- ³⁶ Там же, с. 120.
- ³⁷ Там же, с. 120..
- ³⁸ Там же, с. 143.
- ³⁹ Там же, с. 171.
- ⁴⁰ Там же, с. 19.

⁴¹ Кременцов Леонид – русская литература в XX веке. Обретения и утраты: <https://profilib.com/chtenie/157244/leonid-krementsov-russkaya-literatura-v-khkh-veke-obreteniya-i-utratty-uchebnoe-posobie-4.php>

⁴² Казина. О. А. Статья «Замятин Е. И.» в кн.: Мы. Повести и рассказы, указ. соч. С. 17.

⁴³ Замятин Евгений. Избранные произведения, М., изд. "Советская Россия", 1990, с. 6

⁴⁴ Замятин Евгений. Мы. Избранное, указ. соч., с. 47.

⁴⁵ Там же, с. 157.

⁴⁶ Оруэлл Джордж. « "Скотный Двор: Сказка". Эссе. Статьи. Рецензии.», изд. Библиотека журнала «Иностранная литература», М., 1989, С. 121

⁴⁷ См. подробно: Ланин Б. А. "Русская антиутопия XX века", М., 1996, с. 7-29

⁴⁸ Замятин Евгений. Мы. Избранное, указ. соч., с. 101.

⁴⁹ Там же, с. 104.

⁵⁰ Там же, с. 171.

⁵¹ Оруэлл Джордж. Указ. соч., с. 121.

* Олдос Хаксли - английский писатель, автор известного антиутопического, сатирического романа «О дивный новый мир» (1932).

⁵² Замятин Евгений. Мы. Избранное, указ. соч., с. 61.

⁵³ Там же, с. 62.

⁵⁴ http://licey.net/free/13-literatura_20_veka_analiz_dlya_sochinenii/64-eretiki_v_literature_l_andreev_e_zamyatin_b_pilnyak_m_bulgakov/stages/2868-zhanr_i_syuzhet_romana_my.html

⁵⁵ Замятин Евгений. Мы. Избранное, указ. соч., с. 69.

⁵⁶ Евангелие от Матфея, глава 4, стих 2 и . Евангелие от Луки, глава 4, стих 2.

⁵⁷ Деяния Апостолов, глава 1, стих 3.

⁵⁸ Давыдова Т. Т. Е. Замятин в современном литературоведении, указ. соч., с. 353-363.

⁵⁹ Давыдова Т. Т. Письма Е. И. Замятина разным адресатам .«Новый Мир» 1996, №10, с. 498 — 523.

⁶⁰ Цитирована по: Примочкина Н. Н., Примочкин Б. П. М. Горький и Е. Замятин. (К истории творческих взаимоотношений). — В кн.: "Творчество М. Горького в художественной системе социалистического реализма. Горьковские чтения, 86". Ч. 1. Горький. 1986, с. 109.

⁶¹ Михайлов Олег. Статья «Гроссмейстер литературы», указ. соч. С. 17.

⁶² <https://www.allsoch.ru/sochineniya/3087>

⁶³ http://lit-helper.com/p_Istoriya_sozdaniya_i_analiz_romana_Mi_Zamyatina_E_I

⁶⁴ Оруэлл Джордж. Указ. соч., с. 122

⁶⁵ Машбиц-Веров и Евгений Замятин на литературном посту 1927, № 17-18, с. 58 в кн.: Е. И. Замятин. Избранные произведения в двух томах. Т. 1, М., изд. "Художественная литература", 1990, с. 18.

⁶⁶ رمسيس عوض. أدباء روس منشقون، دار نشر (الهيئة العامة للكتاب)، ١٩٩٢م، ص ١٠٩.